

Никто не забыт, ничто не забыто

ДОРОГА К ПОБРАТИМУ

Тридцать лет назад Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены медали «Партизану Отечественной войны» I и II степеней. Десятки тысяч народных мстителей были удостоены этой награды за партизанскую доблесть. Среди них — бывший командир партизанского отряда на Подолье, ныне начальник отдела треста «Ерпромстрой» Израел Акопович Минасян.

На улице Джрашат в Ереване меня привел журналистский поиск. Перед отъездом в командировку ко мне заглянул сотрудник Дунаевецкого краеведческого музея С. Оленевич: «Мы сейчас пишем историю края. Разыщи Минасяна и передай благодарность за первую часть его воспоминаний о партизанском движении. Скажи, что ждем окончания».

Бывшая партизанка Надежда Фильмоновна Холодюк называла по-своему. «Ты нашему побратиму по-народному до самой земли поклонись. Скажи, ждем его на встрече партизан-ветеранов».

— С Украины? — спросил хозяин прямо с порога. — Ну, проходи, рассказывай.

Его слова прозвучали так просто и обыденно, будто я пришел не бывшего партизана послушать, а ему рассказать о друзьях, далеком украинском городке Дунаевцы, что на Хмельничине. Впрочем, хозяин тут же уточнил:

— Давай условимся. Сегодня ты весь вечер отвечаешь на мои вопросы, а завтра я преподношу тебе свой подарок — знакомлю с нашим седым, но вечно юным Ереваном.

На второй день Израел Акопович показал мне гордость всех ереванцев — крепость Эребуни. Мы ходили древним городом. Вместе с нами его коридорами-улицами пробирался легкий ветерок. Все дышало покоем, седой вечностью.

Где-то совсем близко звучала нежная музыка. Она будила воспоминания. Возле

реставраторов, которые увлеченно работали среди развалин, стоял транзистор.

— Что передают, ребята?

— Реквием Моцарта, — ответил, не разгибаясь, молодой парнишка.

Мы притихли, задумчиво вслушиваясь в звуки оркестра.

Что навеяли они Минасяну? Может, вспомнил контратаку под Керчью, когда он, расстреляв все патроны из пулемета, в едином порыве бросился с бойцами сквозь огненный шквал. Очнулся утром от тупой боли в голове. Расслышал, как кто-то резко сказал по-немецки:

— Этот живой. Взять!

А разве забыть тот страшный месяц в Раковском концлагере под Проскуровом. Лишь одна мысль жгла — нужно вырваться, чтобы бороться дальше. Еще в поезде он с несколькими бойцами пробовал взломать пол вагона, но охрана заметила и избивала. В лагере группа смельчаков пыталась ночью перерезать проволоку, но их схватили и повесили. Кто-то из бывалых сказал Минасяну: «Сделай так, чтобы попал на работу вне лагеря». Случай представился — промышленнику фон Вульффу понадобились рабочие-табаководы. Через неделю в Дунаевцах он неожиданно встретился с бывшим однополчанином Арсеином Орловским, которого до войны сам рекомендовал в партию. Условились поговорить вечером. Орловский сказал коротко: «Мы вам верим. Есть задание — нужно рас-

пространить листовки». В другой раз посоветовал: «Попросись в агрономы. В управе наш человек — поможет. Станешь ездить по селам как связной штаба подполья».

Через два месяца Орловский свел Минасяна с секретарем подпольного Каменец-Подольского обкома партии Иваном Никифоровичем Холодюком. Тот спросил: «Ты что же творишь? Рассказывают, в селе Смотрич в открытую людей агитировал».

— Душа горит, товарищ секретарь. Поручите боевое дело. Я коммунист с 1932 года, еще до войны был комиссаром отдельного танкового батальона.

— Что душа горит, хорошо. Но в нашей работе дисциплина прежде всего. А боевое дело есть, комиссар. Вот читай приказ о назначении тебя начальником штаба подпольных групп района. И подбирай верных ребят — скоро возглавишь отряд.

...Нет, в такую минуту он должен был вспомнить, он не мог не вспомнить боевых друзей и, конечно, своего побратима Андрея Римарчука. В отряде они были неразлучны: вместе задумывали смелые операции, рядом ходили в бой, мечтали как будут работать после войны.

И дали друзья зарок: после победы сообща отстроят спаленный фашистами дом Римарчука на Подолье, а новоселье справить на родине Минасяна, в солнечном Ереване. Война... Не довелось Римарчуку переступить порог родного дома. В трудном бою за родное село Великий Жванчик, который вел отряд, соединившись с выброшенным Советской Армией десантом, вражеская пуля сразила партизана. И пришлось Минасяну выполнить свой последний долг перед

другом: на правах побратима бросить первую пригоршню земли на солдатскую могилу. Прощай, дорогой товарищ! Мы не забудем тебя!

Реквием... В Львовской картинной галерее я видел картину Яна Матейка. На ней было изображено поле после боя. Раскаленное солнце садилось за горизонт и бросило последний луч на равнину. Он запутался в траве, едва пробился сквозь нее и нежно коснулся лица павшего воина. Под картиной стояло название: «Реквием» или «Прощальная песня».

Перед тем, как попасть в музей Эребуни, мы с Минасяном и его дочуркой бродили по старому городскому кладбищу. Израел Акопович молча проходил мимо памятников. Вдруг среди янтарных плакучих ив возникла аккуратная полинка, выстланная серыми плитами. Посреди нее стоял четырехгранный обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Сперва подумалось, что это братская солдатская могила. Но ведь здесь не шли бои. Так почему же надписи: А. Ф. Парамонов, 1907 — 1945; М. С. Мамедов, 1909 — 1944; Ф. М. Милошенко, 1924 — 1943; К. А. Кищенко, 1918 — 1944?

Далеко от родной Украины лежали девятнадцатилетний Федор и двадцатилетний Кондрат. Не дождалась кареглазая дивчина своего суженого, мать — сына, дети — отца. От тяжелых ран, полученных где-то под стенами Москвы, на подступах к Сталинграду или в бою за «безымянную высоту», скончались они здесь, в военном госпитале Еревана.

Сыны и дочери Армении воевали с фашизмом бок о бок со всеми народами Советского Союза, били ненавистных захватчиков на по-

лях России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. Это была наша общая доля. А сколько любви, душевного тепла отдали они русским, украинским, белорусским парням, которые из огненного пекла прибывали сюда, чтобы залечить раны и снова идти в бой!

Школьники ежедневно приходили к раненым и приносили им в подарок свои нехитрые концерты. Детей встречали радостно, слушали с охотой. Тоненькие детские голоса проникали в самые глубины души, навевали мысли о родном доме, белых хатках в вишневых садах, несли веру в близкую встречу.

А молоденькая медсестра, склонившись над угасавшим солдатом, кулачком вытирала горькую слезу. Так же, как украинская мать-крестьянка краешком платка смахивала слезы над сыном Армени Хачиком Ерицянном, который пал на земле Подолья.

Мы стояли строги, будто в почетном карауле. Уже потом, когда дома рассматривали боевые награды Минасяна (среди них медали «Партизану Отечественной войны» первой степени и «За отвагу»), дочка шутливо сказала:

— Папа, а этот солдат в каске очень похож на тебя.

— Похож.

— А рядом, значит, твой друг?

— Друг.

— Он сейчас жив?

Отец ласково посмотрел на девочку.

— Жив, дочка. Он всегда жив. Пока живы мы все — советские люди.

С. ШНАЙДЕРМАН,
журналист.

Ереван — Дунаевцы.